

18+

Андрей Толкачев

Мокрый, мокрый Тоа

*Истории
из загадочных мест
планеты*

Андрей Николаевич Толкачев
Мокрый, мокрый Гоа. Истории
из загадочных мест планеты
Серия «Путешествия с
романтикой», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68835567
ISBN 9785005952875*

Аннотация

Признаюсь, несколько лет я не решался это опубликовать. Истории вгоняют в краску, шокируют, могут показаться невероятными, но тем не менее они реальны, написаны живым языком. Секс-рабыни в Бангладеше, альпинисты в Японии, участники Венецианского карнавала, жители голландской деревни на воде, танцующие кубинцы, уличные артисты в Черногории, аферистка в Турции, девочка, живущая на филиппинском кладбище, полицейский в Мумбаи, индийский отшельник, влюбленная таитянка. Книга для любителей путешествий. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Остров Банишанта – дитя рабства и порока	5
1. Записки с места событий	5
2. История Рейны в семи главах	7
Эпилог	11
Самолет. Бангкок. Ночь. Пао... и Дао навсегда	12
Глава 1. Приземление в Бангкоке	12
Глава 2. Блеск и нищета Бангкока	14
Глава 3. Дао после ночного Бангкока	16
Глава 4. Пао!	19
Глава 5. К утру!	21
Глава 6. Сделки	23
Глава 7. Разрыв	28
Мокрый—мокрый Гоа	35
Мокрый пляж, мокрая пачка денег и мокрое будущее	35
Мозаика ночного Мумбаи по дороге к меняле	38
На Гоа орудовало солнце	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мокрый, мокрый Гоа

Истории из загадочных мест планеты

Андрей Толкачев

*Посвящается Наталии, Никите и Полине, без
чьей поддержки я бы не смог написать эту книгу*

© Андрей Толкачев, 2025

ISBN 978-5-0059-5287-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жить необязательно. Путешествовать – необходимо.
Уильям Берроуз

Остров Банишанта – дитя рабства и порока

1. Записки с места событий

Острова. Мне всегда казалось, если есть кусок Земли, со всех сторон омываемый водой, там должно быть что—то чистое, светлое и особенное.

Есть остров Врангеля, где чайки, как куски снега сваливаются со скал, и парят в просторах океанов. Есть остров, где рождаются черепахи, и так его любят, что через 20 лет блужданий возвращаются закапывать яйца. Есть остров, где живут ярко—красочные хамелеоны и рыжие пушистые лемуры. Есть остров, где стоят гигантские каменные статуи – стоят, и будто с далеких странствий кого—то встречают. А взять остров Бали. 20 000 храмов Брахме, Вишну, Шиве. Цветами усыпаны дорожки. Маленькие корзиночки для богов стоят везде. Подозреваю, жизнь жителей только и состоит из праздников и обрядов, – балийцы крепко дружат со своими богами.

...А есть весь покрытый тайной, остров Банишанта, – кусок земли, где люди за деньги занимаются не совсем пристойным делом. О нем нигде не пишут, не рекламируют,

не рассказывают, он для местных гурманов, поэтому... Остров—загадка.

Мой приятель – ценитель Востока, среди 15 главных достопримечательностей Бангладеша его не нашел, узнал о нем от говорливого местного жителя. Как туда попасть житель не знал, но показал с кем, когда и откуда можно отправиться на остров. оказалось, с группой суетливых мужчин на переполненной лодке, с риском, доплыть не на моторе, не на веслах, а кролем или по—лягушачьи. Отправились, неизвестно, сколько миль, но молча и как бы не туда. Остров—призрак, что тут скажешь. И главное, не забыть с собой 5 долларов.

Там их встретили местные дамы, вышедшие из своих потрепанных хижин явно изможденными от непосильного труда.

Ему стало дурно и он причалил на ближайшей лодке обратно Он – блогер, и перед поездкой, изложил мне по вотсапу такую теорию: «Если завсегдатаями борделей были Пабло Пикассо, Генри Миллер, Марсель Пруст, Ги де Мопассан, Эрнест Хэмингуэй, то почему и мне к ним не присоединиться». Приятель явно рассчитывал, на ковровую дорожку, усыпанную цветами, угощения на подносах и бангладешских нимф. Такую азиатскую модель гремевшего когда—то в Европе дворца—борделя «Шабане»...

Но главное, он передал мне историю одной девушки, попавшей в рабство чудо—острова Банишанта.

2.История Рейны в семи главах

Глава 1. Твой адрес не дом, а улица

Маленькая гражданка государства Бангладеш Рейна по вине родителей в 12 лет оказалась на улицах города Читтагонга. Отчим лишил ее дома, а мать не смогла защитить.

Ну а что улица?

Глава 2. Тебя найдет Мадам

Город Читтагонг – древний. Первые сведения о нем ползут еще с 1 века нашей эры. Но помочь маленькой Рейне старикан Читтагонг уже никак не мог. Выброшенная, будто мусор, она отчаянно нуждалась, и тогда к ней подошла женщина (назовем ее Мадам №1), накормила лапшой, и предложила работу продавцом одежды в самой столице – Дакке.

Глава 3. Обман, Мадам

Рейна слышала, что столица – это большой город, в котором живет больше 10 миллионов человек, среди них много деловых людей, но она не знала, что нужна Мадам не как продавец, а как товар. Ну а кому нужна 12—летняя безграмотная труженица, когда там повальная безработица, как и в других местах обитания несчастной страны. Поэтому.

До Дакки Рейна не доехала.

Глава 4. Коммерция

Ей уготовано было другое будущее. В неволе и унижении, со сломанной судьбой и испорченным здоровьем. Лодка причалила к острову Банишанта, где ее купила Мадам №2. Оказалось, Мадам №1 не только кормила лапшой, но и вешала ее на уши. Сюда приезжают те, кто сэкономил на бургере, и собирается потратить 5 долларов иначе.

Глава 5. Школа Мадам

Мадам №2 популярно объяснила Рейне, как она станет товаром. Наверняка ехидно улыбнулась, ведь за Рейну в начале будут платить чуть больше, чем за 1 бургер. Девочке присвоили статус безликой, безымянной и бестелесной – все это должно было принадлежать клиентам. Как захотят, так и назовут. Что захотят – то и сделают. Правда, кое—что оставили – слезы. Действительно, зачем отбирать слезы?

Мадам №2 повела по воздуху грязной ладошкой, тряхнула безделушками на запястье, и Рейна встречала первого клиента. Детство, свобода и надежда остались где—то там, в далекой прошлой жизни.

Глава 6. Хижина

Зато у нее появился дом – один из двадцати законных борделей на юге Бангладеш, населенный телами похищенных и проданных в рабство женщин. У нее есть свой сарай, который в ненастье трещит по швам, в котором вряд ли выживет

хотя бы одно животное на земле, но выживает Рейна и другие женщины. Потому они не называют его сараем. А тем девочкам, которых они родят, не надо встречаться с Мадам №1, сразу к Мадам №2. Если в хижине родится мальчик – его будущее круче и почетнее – наркодилер.

Глава 7. Фильм и фотоальбом

В 2011 году итальянец Джованни Джомми снял о жути на острове документальный фильм «Дурная погода» («Bad Weather»). Фильм прошумел, его активно обсуждали, он стал лауреатом Гран—при и приза ФИПРЕССИ на «Флаэртиане» —2012. А после... сами понимаете... все вернулось на круги своя и на остров снова повезли несовершеннолетних девочек.

«Я бы хотел в один прекрасный день вернуться на остров Банишанта и собрать всех женщин в лодке у берега. Мы бы устроили коллективный показ моего документального фильма», _ высказался на награждении Джованни Джомми. Так ему может снимать уже сериал?

Через несколько лет испанец Манель Кирос причалил к этому острову и создал серию фоторабот «Жизнь в одиночестве». Он отснял несколько кадров с Рейной – отправил на конкурс – так миллионы людей узнали ее историю. Она стала знаменитой за рубежом, но только не на своем острове.

Что творят люди? На чужой беде они побеждают в конкурсах, добиваются славы и популярности. Травы, цветы, рыбы,

птицы или животные до такого не додумались.

Стихия пыталась вмешаться. Вспыхивали инфекции, налетали тропические циклоны. Не помогло, остров выстоял, грехи крепки. Но природа не оставила его в покое. Если у человека нет границ разумного, то у природы есть. Природа размывает то, что неестественно, поэтому остров постепенно поглощает Пасур, – река, мечтающая повторить Всемирный потоп для грешников.

Эпилог

...Есть на Земле острова, где веселые пальмы, белый песок, разноцветные рыбки в заливах, и только шум прибоя – самое беспокойное, что может там быть.

...Есть в Мексике остров кукол, где руками и фантазией простого парня Джулиана Барреры собрано больше тысячи чудовищно изуродованных кукол, чтобы задобрить дух некогда погибшей девочки. Может острову кукол стать побратимом с островом Банишанта: там и там изуродованные судьбы, кукол или людей – какая разница?

...А Рейна уже другая, она чувствует себя зрелой женщиной, хотя еще девушка. Ей не нравятся люди, зато нравятся изваяния, потому как от них ничего никому не нужно. Она станет Мадам №3, правда не сможет как Мадам №2 покупать невольниц или как Мадам №1 продавать их. Мадам №3 будет Мадам—презрение. Она ко всему равнодушна, но одно слово вызывает у нее отвращение, это слово, которое было ее мечтой, когда она блуждала по подворотням своего города. И однажды она с удовольствием вывела фломастером на бумаге, на своем бенгальском языке, горизонтальную линию, а под ней зигзаг, треугольник, потом вертикальную линию, и еще что-то, чтобы получилось слово. И произнесла шепотом: «Остров».

Самолет. Бангкок. Ночь. Пао... и Дао навсегда

Глава 1. Приземление в Бангкоке

«...Приведите спинки кресел в вертикальное положение. Наш самолет пошел на снижение и через несколько минут совершит посадку в аэропорту Суварнабхуми».

«Сейчас приведу спинку кресла...»

Стюардессы мячиками запрыгали по проходу, и я опознал ту чернооую бестию с блестящей лентой по диагонали через грудь, которая девять часов назад застала меня за постыдным занятием. Ну представьте себе, крупный мужчина, с виду почти исполин, безуспешно воюет со своим рюкзаком который наотрез отказывается потеснить мощную «ручную кладь» соседей по салону – все утрамбовано и тот мужчина – это я, и он готов сдаться и сидеть с рюкзаком под ногами, хоть вечность.

Вот тогда появилась она, тайская Сивка—Бурка, появилась, и так звонко выдала: «Can I help you?» И ее «Can I help you?» долетело до меня быстрее, чем брызги ободряющего миндалевидного взгляда.

Я замер или обмер – все равно. Глотнул ее жасмина – кив-

нул «Yes!» и стал внимательно следить, как тонкие щупальца стюардессы утонули в пространстве полок верхнего отдела, и как рюкзачок – причина нашей суеты, нашел себе уют и покой.

Пока белоснежный лайнер «Thai Airways» пять минут пародировал гудение пылесоса, я прильнул к иллюминатору и ощутил послевкусие той далекой встречи, произошедшей 9 часов назад. Какая же она обаяшка, стюардесса с лентой, прыгающая по проходу и метаящая стрелы под названием «Can I help you?»

Глава 2. Блеск и нищета Бангкока

Позади мой белоснежный лайнер, мои с ним и с представителями летного состава девять часов дружбы, – он наверняка уже щекочет облакам бока, подмигивает им, шалун, планируя за новой партией страждущих телесных утешений...

Передо мной Бангкок. Первая ассоциация – муравейник. Вторая... – ну ладно, сразу о негативе не буду. Если банально, город сразу потрясает своей безразмерностью и разноцветьем разной продукции легкой промышленности. Куда ни сунься – толпы людей и морщинки многокилометровых пробок. Нет, все таки скажу о грустном, Бангкок – душный, жаркий, грязный, суетный, наводненный людскими потоками, наполненный газами выхлопных труб. Улицы превращены в базары, базары – в сковородки, сковородки в ад для насекомых – опарышей, кузнечиков, тараканов. Что с ними делают, – догадайтесь сами.

Теперь о подворотнях. Не знали, что такое в Бангкоке подворотни? Сравнить их можно с театральным закулисьем. Там все готовят к тому, чтобы это вынести на сцену. Там человек, неважно, взрослый или ребенок легко может толкать, тащить, нести, везти груз весом во много крат превышающий его собственный, там люди ставят свои скромные трудовые рекорды. В их натруженных руках прячется настоящий

Бангкок, — мне не дадут соврать их тощие драные кошки, тоже работяги, сжившие со свету всех тайских крыс.

Нищета и роскошь под звон буддистских колокольчиков.

Нищета и роскошь в глазах тайских детей, полных вселенской грусти.

Нищета и роскошь — здесь они близняшки. Если сверкнет позолотой буддистский монастырь, — будь уверен, в ответ где — то сверкнет убожеством лачуга из бамбука.

Тепло — круглый год, отсюда полное безразличие тайцев к температуре. Вот прямо на раскаленном асфальте, не боясь поджариться, сидят круглолицые, круглоглазые и круглоногие тайки, — на «раз—два—три» они готовы веером развернуть свой букет услуг (готовы уши): изжарить невезучих представителей флоры и фауны, погадать на таро, нанести nice tattoos, сделать массаж пяток, всучить банку с мазью, заплести дреды, и возможно как — то еще подергать твой кошелек. Висящий на каждом заборе, стене, столбе — тайландский монарх устал от них, и уже повесил на себя безнадежную улыбку человека, которому ничего не надо...

Глава 3. Дао после ночного Бангкока

Ночной Бангкок сияет, он будто для того и существует, чтобы ты уgomонил свои похотливые глазки, стряхнул, наконец, с крыльев пыль, и резвым мотыльком подлетел на огонек. А каждый огонек манящий. Ну же! Не теряйся. Да, ты не дурак и понимаешь, что огонь — это всего лишь соединение углерода с кислородом, а свет — это всего лишь электромагнитные волны. Ну, мысли потом, а пока... Лети к разноцветью огоньков, утешься, ведь далее...

Далее Ночной Бангкок растягивается как жвачка, предлагает тебе его пожевать, и с каждым движением челюстей испытывать восторг.

Бангкок порочен, меркантилен, лицемерен, он манит, — а ты уверен, что именно тебя он хочет?

Ночные бары, шоу, стриптизы, толпы девушек — ну—ну, вперед, ты об этом мечтал?

Ну, тогда по рукам. Индустрия готова захватить тебя целиком и выжать до последней капли, как апельсин на соковыжималке в том баре, где ты сейчас застрял.

Отчего ж ты устал, едва выбравшись на Khaosan road?

А, понимаю. Суета приелась. *Одинаковость* — вот ключевое слово, определяющее все, что ты здесь увидишь. Вавилон развлечений оказывается фантиком, а фантики похожи друг на друга.

Так что если в бангкокском Hyatt – все пахнут Chanel Allure. Будь уверен, ты с этим запахом еще встретишься, причем в самом неожиданном месте.

Да, одинаковость. Взгляни на Храм рассвета «Ват Арун». Четыре одинаковых башенки вокруг. Гармонию схватил? – расслабься. Четыре башенки – вот и ответ на твой эстетический запрос.

Здесь все просто – и все сюда едут за *простотой*. Вот и второе ключевое слово.

В Бангкоке понимаешь – ты летел за чем—то новым, – твоя иллюзия испарилась вместе с твоей похотью, ты видишь как поднимается с чая пар. Одинаковость и простота, – это все что ты понял за девять часов лету и потраченных батах.

– Неужели так может быть, что все доступно? – спрашиваешь ты себя, украшая вопрос кивком головы.

– Да, – отвечаешь сам себе, украшая ответ тем же кивком головы.

– Зачем тебе это? – логика прет с настырностью римских фаланг.

– ...

Вот—вот, ты устал быть тяжелым. Ждать, притворяться, добиваться, просить, получать отказы, выполнять и исполнять, там, в России.

Ты устал быть тяжелым, вот поэтому ты здесь. Коротай эту ночь, но не с доступной тайской женщиной, а с романом Уэльбека, и в одиночестве дождись восхода солнца у «Храма

Рассвета», и с предутренней тишине рассмотри извилистую змейку реки Чао Прайя, и оставайся на лестнице этого Храма, — тогда ты поймешь, что приехал из одной страны храмов в другую. Что смотрящий на храм, сам становится храмом. Что...

Как бы ты не завершил последнее предложение, оно получится мудрым, ведь ты ощутил Дао, и стало подозревать себя в самообмане — звал себя в Таиланд за одним, а на самом деле душа стремилась к другому.

Глава 4. Пао!

И тогда в мутотени—полутени бара над своим ухом я услышал:

– Achtung! – это мой сосед по пивной кружке, красно-мордый бундес, кивнул в сторону стайки «девушек». Кроме меня на них уже пялился дед—англичанин, который судя по качанию головы на пару кружек меня уже опережал. Шелестя черными глазками, жидко улыбаясь, и освещая трассу белыми зубками, стайка разлетелась по бару, не привлекая крылья, но сопровождая свой полет прыганьем и взмахами руками...

Тем временем гости, как семечки в тыкве, плотно засели по своим местам: датчане напротив меня загружались пивом, как фуры на заправке, дальше сосредоточенно вбухивала пара пожилых супругов, и по краям—углам качали головой какие—то мутные типы, которым и без пива было все хорошо. Стайка закружилась вокруг барной стойки, и мы с бундесом попали в окружение. Одна из жриц тайской любви отделилась от стаи, и, ласкаясь как домашняя кошка, запрыгнула на рядом стоящую мебель. Но я как намагниченный, уже не мог оторвать глаз от той, что словно тополек выросла перед бундесом – мы сделали «exchange», и грациозное деревце с нереальным изгибом спины под именем «Пао» предназначалось уже мне.

Топик откровенно подчеркивал очертание ее небольшой, но высокой груди, где выделялись твердые соски.

— Пойдем со мной?

— Up to you! «Как тебе угодно, милый» — произнесено было покорным полусшепотом.

Кинув помятую купюру на стойку, я взял ее за руку.

Дорога в отель оказалась долгой. Сначала я ускорился, но Пао не могла поспеть за мной на тонких шпильках.

Медонос с маленькой пчелкой.

Паук—скакун с мухой.

Жук—пожарник с клопом—солдатиком.

Мы не общались. Глупые слова могут охладить так, что водка не спасет. Тихо, как воры—домушники, мы подошли к двери и зачем—то прислушались. Вошли осторожно, не включая свет. Я притянул ее к себе, как магнит притягивает гвоздик.

Она задышала громко и охотно, опережая мои мысли и движения на уровне шестого чувства, да, того самого, которое у эмансипированных женщин полностью атрофировалось... Я и сегодня, спустя не одну тысячу дней после той ночи не могу сказать, что там со мной произошло.

Глава 5. К утру!

К утру она бездыханная витала в своих снах. Еще бы, ведь она получила клочек счастья, который ей пришлось долго ждать после предыдущего клочка – не знаю сколько, сутки, а может двое.

Я заказал кофе, фруктов, сел за свой текст, потом еще раз кофе взамен остувшему, Пал все не просыпалась – наверное уже перешла к сказке «О мертвой царевне».

Ее оживил мой поцелуй в припухшие от бессонной ночи глаза. Братья Гримм! Вам привет из солнечного Бангкока.

Она проснулась и выглядела такой юной. Впервые я не хотел отпускать женщину утром...

Но совершеннолетняя ли она? Вчера я забыл спросить. А сегодня уже неинтересно.

Но пора начинать разговор и включать английский.

Начнем с глупого вопроса.

– Доброе утро! Как тебя зовут? – спросил я.

– Пао.

– Тебе есть восемнадцать?

– Да... уже.

Ну, конечно, ей 16 или 17. Ну это наша тайская тайна.

– Ты давно этим занимаешься?

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем ты спрашиваешь?

– Не знаю...

– Я не закончила школу, а без этого трудно найти работу...

Еще бы – ты и не искала. Ну пусть это будет вторая тайна.

Пао натянула шортики и нырнула в топик. Все на автомате. Со стороны – тайская школьница собирается в школу. И рядом я, – нет, не папаша, а забулдыга со смутной историей и смутными намерениями. И ручки—спички и ножки—спички, привинченные к туловищу—спичке Пао – представляют собой немыслимый контраст с той аморфной массой, у которой есть мое имя.

Я задвигал телом—пластиллином и выдавил пободрее:

– А пойдем в бутик!

– Up to you! – ответила она.

Что можно отдаленно перевести:

– А почему нет?

И это предложил я – лютый враг всех шоппингов!

Глава 6. Сделки

Мне с ней понравилось гулять. А примерка шмоток на-поминала третью серию американской «Красотки» о заявкам зрителей, но с тем условием, что я в роли влиятельного бизнесмена Эдвард Льюис изрядно поистрепался, но мнение мое еще ого (!), имеет цену. В Москве в подобных случаях я узнавал о себе от женщин: «колхозник», «провинциал», «пенсионер», «скряга», «шутник» и т. п.

На маршруте из отдела тряпок к сковородке, откуда мы извлекли Пад Тай, я тормознул – выгреб из кармана наличку и всучил Пао – я платил ей за любовь. В прейскуранте такой услуги у них не обозначено.

Ну чего может стоить любовь в Бангкоке, где люди в своем усердии подстрахивать друг друга обошли уже всех кошек и мышек. Наверное, любовь здесь не стоит ничего.

Пао сложила руки лодочкой, и втиснула купюры в кармашек шорт – в ее глазах не было радости. Надоели они ей, как горькая редька.

Следующей точкой нашего маршрута стал бар, где я выкупил Пао из рабства, на две недели. Мама—сан покочевряжилась, чем подняла градус переговоров по—тайски, – «знамо дело» – я положил еще одну красненькую с интеллигентным очкариком на аверсе, – она смягчилась, и в ее глазах я про-

чел мгновенную готовность побывать на месте Пао.

Еще бы! Пао выгрузила ей трофеи – типа, посмотри, мама—сан, какой приплод.

Этот странный непьющий русский раскошелился с чего—то. Распредели—ка своим метким глазом шмотье между работницами нашей ячейки!

Тайское утро все еще продолжалось, и мы с Пао возобновили шествие по тротуару, навстречу пенсионерам—немцам, алкашам—англичанам и нашему чудесному завтраку по—тайски. Я заметил, иностранцы с утра не очень любят гулять с местными представительницами прекрасного пола. А зря. Вернуть себе ощущение заботливого папаши никогда не поздно.

Большой человек вел хрупкую школьницу, с блаженной улыбкой, будто школьница сбежала с уроков, и этот большой человек ее туда возвращал – Гумберт—Гумберт со своей Лолитой.

Мы гуляли по городу. Мы гуляли по набережной, которую я почему—то называл «Круазет» (слово понравилось), мы гуляли друг по другу.

И я рассказал ей, что ее аромат – это какая—то непознанная помесь сандала, кедра, ветивера, пачулей и мирта. Ты родила эти терпкие и экзотические ароматы, Пао.

Понимаешь, Пао – с этой мыслью были созданы Angel Schlessen Homme от Angel Schlessen и Antaeus от Chanel – ты переносчик древесных ароматов в стеклянную жизнь чело-

веческих наслаждений. Они завораживают меня, как птенца, упавшего от удивления с ветки.

И школьный стереотип «большой важный – маленький дурашливый» вдруг испарился, как испаряются облака над Бангкоком. И вот, я уже гулял с цветком под названием «Пао», а цветок под названием «Пао» гулял с деревом под названием «N».

Чем мы только не занимались – и самое обычное времяпрепровождение, такое как поедание лапши с бумажных коробочек или жучков с горящих сковородок, превращалось в праздник.

Дни летели как стаи бабочек, от цветка к цветку. И каждый день мне открывалось много нового, я не знал, что можно жить без своих дел, без компа, без книг, без мыслей...

Москву я вспомнил лишь однажды. Это случилось, когда я взглянул на звезды. Я задал себе вопрос: а бывают ли в Москве звезды?

А потом другой: А нужны ли в Москве звезды? Там вместо звезд фонари для сутяжной жизни, здесь правда тоже есть фонари, но они не мешают смотреть на звезды.

Мы оказались в раю какого—то парка.

Пао пластичная, гибкая, игривая, как герои любимых мультиков. Сначала напомнила мне Покахонтас, а потом уже Маугли.

Мы часами пребывали в каком—то трансе на верхней площадке храма, как нищие.

Пао лежала у меня на коленях грустная и молчаливая. Между нами не было слов. Я сгреб ее в объятия – нет, нет. Только подумал, что сгреб. На самом деле так и сидел, боясь пошевелиться, и еще боясь не успеть поцеловать ей руки.

– Не пришла ли ко мне нирвана? – спрашивал я себя. И отвечал: —Пришла—пришла.

Я вел себя с ней так будто мне жить на земле осталось одну неделю. Помните, как в фильмах – человек узнает, что он на краю, и пускается во все тяжкие. Так и я.

И только необъятный Будда успевал мне кинуть пару слов – я не знал о чем, но знал, что он меня успокаивает.

И Будда парил под набежавшими облаками, и Будда звал нас, и мы поднимались за ним.

Как же я существовал в этом мире? Нет, не хотел даже и прикасаться к нему. А зачем? Я стал неприкасаемым для прошлого и настоящее для меня стало неприкасаемым.

Я жил в глазах Пао, на губах Пал, на плечах Пао, между пальцами Пао, перед улыбкой Пао, в запахе Пао.

Глупо, когда тебе уже не один десяток лет. Но это лучше, чем когда накатывает депрессняк, это лучше, чем жрать себя поедом вместе с антидепрессантами, и оглядываться на тех, кто проскочил вперед – сделал карьеру, заработал авторитет, срубил бабла, отгрохал коттедж, создал отпечаток стопы на белом песке Мальдив... и теперь с брезгливостью, с сомнением и с сожалением смотрит на тебя. Какой же ты неудачник!

Пао! Ты моя нирвана.

Глава 7. Разрыв

А ночью был дождь, я просыпался, курил.

Пао было не разбудить. А утром на меня так повеяло свежестью, что я снова попытался ее растормошить. Пао спала. Тогда я схватил ее за плечи так, будто кто—то у меня ее отнимает. Пао призывно застонала. Я вдруг понял, что отвлекся от буддизма. Меня так и распирало сказать ей: «привычка, выработанная годами...»

Я безнадежно испорчен.

Закурил, в ту ночь и в то утро я много курил – что—то предчувствовал?

Посмотрел на нее, она чему—то улыбалась во сне. Она была как—бы со мной, но в тоже время не со мной... ну да, я же отвлекся от буддизма.

Не зная как себя занять, я выпил кофе. Сбегал к морю. Я понял, что скучаю по ней.

Разбудил ее, сказал, что уезжаю по делам, а завтра, может быть, позвоню. Шорты, топик – и солдатик Пао уже на выходе. Ее исполнительность меня разозлила в конец.

Она не могла скрыть свою досаду, она не могла скрыть одного – ей не хотелось уходить – я видел это по ее окаменелой спине. Догнать, еще раз прижать... Этого не случилось.

Я пошел в душ. Когда вернулся, от нее остался лишь за-

пах.

Что я наделал — я же никуда не еду. Я испытал чувство вины, обиды, злости — все мои страсти и грехи ко мне вернулись. Приехал в Мекку разврата и живу с телкой, как с женой.

Я не мог выбросить ее из головы. Нужно срочно отвлечься — возьму другую. Нет, лучше двоих! Буду иметь новую каждый день. Чего я к ней привязался, как банный лист?

Кто она? Шлюшка, у которой была уже сотня мужиков, с которой не о чем поговорить. Только пользоваться, как одноразовой посудой.

Дальше меня бы это затянуло еще больше. Хорошо, что перерезал пуповину. Я же приехал все успеть! А вместо познания столицы вертепа — я взялся познавать самого себя. Вместо проститутки она стала для меня священником, исповедником.

Я влил в себя полбутылки рома. Я пел дурацкие песни с немцами. Я смеялся сам над собой...

А утром прибежал в бар. Но Пао там не было.

Холодный фреш, обмен любезностями с мамой—сан, оказавшейся в топе, который я купил Пао. Вопрос где Пао? Снова шутики—прибаутки. Все хорошо. И снова вопрос, где Пао. Да где же Пао, черт возьми. Я сто раз спросил где Пао. Но ее не было, и мама—сан, принимая грустное участливое выражение лица отвечала, что не знает где она. Она ее прятала или..., не знаю, что еще.

Сука. Морковка. Кинула как бобика за шиворот.

Для нее я гербарий на стене, журавлик на небе, обезьянка на заборе.

Стемнело. Толпы слоняющихся бюргеров с морковками. И даже те, с кем я пел, и даже разглядел всех морковок – Пао нигде не было. Ок.

Снова огни неонов, дозаправка ромом. Снова на променаде. Безрезультатно, и тогда в неоновой рекламе я разглядел свою Пао и вторую Пао и третью Пао. Это была реклама тайских священников, которые смотрелди на меня и улыбались. В уши возвращались звуки техно, от которых я на время отключался, и когда я возвращался, то двигался в такт этим звукам.

А может виски? Да глупо, мне нужна Пао. И не смотрите на меня так, леди—бои, я пьяный в дым.

В этом свинячьем виде я видимо гожусь туристам тем, что мне можно поведать все тайны сердца. Вот мощный викинг что—то шпарит мне на английском, я оглядываюсь, где он пришвартовал свой драккар – не нахожу, а он видите ли советуется не взять ли ему в жены тайку. Тоже прикипел мужчина сердцем.

Я киваю, сочувствую и ухожу в забытье.

И вот я шагаю по улице.

– Где я?

Бродил всю ночь, и даже встретил Пао – она шла мне навстречу там, где уже никто не гулял. И я шел ей навстречу

и в переулке никого уже не было.

Бродил настырно, и вот с меня, как с бойца на поле сражения, капает кровь, и япошки—покемоны, которые использовали меня как грушу, в семи шагах растворяются в ночи.

И ночь призывным голосом бундеса спрашивает меня:

– Was ist los?

Ну что со мной случилось? Так. Ходил—бродил—нарвался. Отдыхать же приехал – вот и отдыхаю.

Покемонов явно спугнул этот дружный квартет жизнедеятельных немцев, с красными, как кирпичи ряхами. Для продолжения отработки ударов это было уже too much, и агрессоры тихо ретировались.

– Alles in Ordnung?

– Danke. Dankescheon.

Больше я по—немецки ничего не знал, и бундесы ретировались вслед за покемонами. Видимо так и коротают ночь – одни ходят ногами по тебе, а другие вокруг тебя, одни валят – другие – поднимают. Ну тоже – вид отдыха.

Я не остался брошенным в ночи – нашлась морковка, которая меня подобрала и утерла нос клинексом. Красная купюра клинекса полетела в урну, зато обнаруженная мной в кармане другая красненькая купюра, более ликвидная, тем же самым бессменным интеллигентным очкариком на аверсе, полетела в сумочку моей спасительницы. На продолжение банкета я был не готов – она и не расстроилась.

Пао, Пао – я не мог выкинуть ее из головы, даже той головы, которая попала под мордобой. Ни на секунду не мог. Трудно было поверить, что неделю назад я ничего не знал о ее существовании, а сегодня ищу, будто где—то потерял свою руку или ногу.

Будто играю в глупую, нет, самую глупую игру в инете «Выведи мышку из лабиринта».

Да, но что ж я не признаюсь самому себе – тогда мой монолог не ограничился банальным «уходи». Это было похоже на речь Чацкого, только с кульбитом, – он не сматывает, а просит смотреть других.

Сколько я наговорил глупостей. Откуда взялось столько дерьма?

Пао помогла мне поднять со дна весь этот ил. И если бы не она – я никогда бы не догадался, что являюсь носителем семидесяти килограммов грязи.

А между тем она сейчас сладко стонет под каким—нибудь бундесом или покемоном... У меня закололо сердце. Такое выдержать было не по мне. Ругался на себя, но прилежно скучал по проститутке.

Ну что, еще пол бокала «old—fashioned» Captain Morgan, еще одно легкое ерзанье кубика льда на светлом дне.

- Захвати с собой подружку, – услышал я свой голос.
- Выпьем что—нибудь? – прозвучал женский голос.
- Дома.

Как оказалось, затея была напрасной. Смахнул их на пол. На красненьких они испарились в ночи. И окно застил дождь мгновенный дождь имени Пао.

Утром не вспомнил никого, кроме Вия. Этот парень при-
виделся мне в связи с его классическим требованием «Под-
нимите мне веки». Именно с этой просьбой я бы обратился
к желающим помочь.

Справившись с веками, я вдруг понял, что все остальное
в еще более разобранном состоянии. Пошел – расшевелил
конечности и понял: Пао мне нужна была как «скорая по-
мощь». Ну кто мог вылечить меня, если не она?

Последний день. Завтра улетаю. Вхожу в храм – вме-
сте со страждущими попадаю под дождь окропления, падаю
на колени, если нужно просить Будду – я не знаю, о чем его
просить. Да и он судя по всему не знает, как со мной поле-
тать – со мной, без Пао.

Ну ладно, Будда, не обижайся, мне пора. Туда, где я живу
своей московской жизнью – да, там не жизнь, наверное, бе-
готня белки в колесе более целесообразна, но я живу.

Привет, будда! От моих слов с тебя слезает позолота, дру-
жище..., давай пощелкаем жаренных кузнечиков. Нашел-
кался? Ну то—то же. Смотри, я на нашей лавке, здесь Пао
прислонилась ко мне, как к дереву. Но я двуличная тварь!
Дьявол во мне проснулся и выгнал Пао от меня, доброде-

тельного.

В каком виде она меня вспоминает или вообще не помнит даже лица. Ну что особенного в том, что я ее выгнал?

— Саватди—ка! — так встретили меня, сложив ладошки лодочкой, тайские красавицы — нежные, как орхидеи...

В кругу пресыщенных соотечественников в иллюминатор я смотрел на Бангкок — город—монстр на глазах превращался в город—игрушку.

Там оставалась Пао. Маленькая песчинка, что залетела мне в глаз. Маленький вздох на заре перед огромным небом. Маленький глоток воды, что я проглотил в ту первую ночь в Бангкоке. Маленькая туфелька, которую я напялил на себя и не снимал те несколько счастливых дней в Бангкоке.

Я летел будто после исповеди, будто через меня прошли сточные воды и смыли всю грязь. Очищение, просветление, что еще скажешь. Я узнал, что настоящий священник живет в Бангкоке — и ее зовут Пао.

Мокрый—мокрый Гоа

Мокрый пляж, мокрая пачка денег и мокрое будущее

— Я ничего не понимаю. «Оставь меня в покое и больше не пиши», не ты написала? За что ты обиделась?

— Ни за что.

— Давай позвоню?

— Нет.

— Сильно обиделась?

— Да.

— Хоть что—то объяснишь?

— Нет.

— Я сюда приехал, чтобы снять отель и ждать тебя.

— ...

— Так мы договорились. Почему ты все переиграла?

Гоа. Пляж. Июль. Дождь.

Дождь льет вечность. Счет дождливым дням потерян.

...Смотреть на дождь в окно — тоска, самоуничижение и смывание памяти о ближайшем прошлом. Да, соседка по отелю Джей права, «катись все к черту». Хотя других слов

она не знает.

...Изваянием желтым и статуэточным, стою под дождем, стою, как все индусы. Передо мной зеркало. Погода – мое зеркало – демонстрирует то, что в душе. Вот и стою дальше под обнаглевшим дождем, мокрый, а, значит, нужный хотя бы дождю. Кто сказал, что середина лета в этой [] опе рая – это пик межсезонья, пик хипстерского пчелороя..., короче, всем пикам пик. Кто сказал, что мне нужно было именно сюда? Что бы что?

Между тем Океан лютует. Цвет воды в двух словах: «бурое бесцветье». Выразился, но легче не стало. Океан, стекший с палитры сумасшедшего художника, Океан безумия, Индийский океан безумия.

Рыба явно обожралась поднявшимся песком и легла на дно, туристы в кафешках явно обожрались последней рыбой, у которой еще не было песка в брjухе и легли в номерах. Теперь ни туристов, ни рыбы, – один дождь.

На пляже никого, но самое непонятное – нет даже русских. Зашел в воду по пояс. Все, не будь дураками, чтут комфорт, алкоголь и сухие деньги в шароварах! Туристы больше смахивают на тараканов – как—то порыжели и смешались со сбродом отщепенцев—маргиналов.

Заметки затягивают. Увлeкся. Хватаюсь за карман, и разрезая ладонью слипшуюся от влаги ткань штанов, вытаскиваю пачку промокших денег. Махатма на них стал акварельным. Не успел спасти от влаги – спасу от девальвации – несу

на просушку.

Десять минут неукоснительно гляжу на вонючую пачку, будто собираюсь варить. Высушенная вобла, которую вынули из скверны чердака, и нечаянно уронили в грязь, выглядит куда приличней, хотя в руках держу то, на что можно прокантоваться здесь еще не одну неделю. Мои трансферы по ночному Мумбаи не прошли даром.

Свежо воспоминание о городе с когда—то звонким названием Бомбей. Ты же хотела побродить по Бомбею. Мы же хотели побродить по Гоа.

Тепло воспоминание о городе, в котором ничего не сбылось, городе, обласканном призывным разноцветьем огоньков и яркими тюрбанами индусов, городе, намекнувшем мне, что ты не приедешь.

Мозаика ночного Мумбаи по дороге к меняле

- *Здесь здорово, тебе очень понравится.*
- *Ты уверен?*
- *Я уверен, что ты собралась заказать билет.*
- *Да?*
- *Да, ну скажи хоть что—нибудь ласковое.*
- *Ежик!*
- *И все?*
- *Стадо ежейков.*

Как ни крути, Мумбаи – это наглая помойка с гирляндами на шее, которая не отстанет от тебя никогда.

И я – ходячий экземпляр любителя этой помойки, размышляющий о важном деле – о выгодном курсе рубля относительно рупии, ибо доллары иссякли. Ведь приедет она – и мне нужны будут деньги, хотя бы в таком скромном количестве.

Еще я думал, наверняка в необъятном Мумбаи притаился где—то душка, почитающий мои «российские деревянные» за валюту.

Два странных типа везут меня к местному меняле Омару или Амару (не знаю как правильно, но рыбное название в этой паре звучало бы душевнее). Тем более меняла он но-

чью, а днем, типа, ювелир. Ну, имидж построил для каждого времени суток. Солидно!

Я еду по наполненным торговой жизнью проспектам и улочкам, Мумбаи резко превратился в колхозный рынок, – не стесняясь источает на меня вонь грузовичков, переносных прилавков, подстилок на тротуарах, помоек, и еще бог знает чего... раскрашенного во все мыслимые цвета и увешанного бумажными побрякушками.

Еду дальше. Два категорически ответственных индуса стреляют по мне глазами, – внушают ощущение, что за полчаса пути я так изменился, что не узнать.

Между тем улицы, как муравьи в муравейнике, заполняют тук—туки и машинки любых размеров, вплоть до тех, в которые находясь в здравом уме и трезвой памяти за руль не пролезешь. Весь этот авто—мотодром шумит клаксонами и многоголосьем.

Едем. Мои спутники уже открыли по мне ритмичную стрельбу черными как мумбайская ночь, глазами, – видимо, караулят, чтобы не сбежал вместе с их уловом в пару—тройку рупий. Когда мы сошли на берег Омара или Амара, они шил от меня по обе стороны – не иначе как мои охранники.

Да! Чуть не забыл. Два слова, как они ездят. Виртуозно – нет, не то! Филигранно, я бы сказал. Теснота на дороге такая, что насекомых нет – они бы стерлись в пыль от трения техники и тел друг о друга. Боковые зеркала? Да ну их к черту! Все компенсирует умопомрачительный клаксон, который води-

ла—индус считает своим долгом жать как эспандер «по поводу и без».

Бизнес—операция обещает быть выгодной для всего нашего интернационального трио. Под искомой дверью ночного бога – Омара или Амара мои сопровождатели переходят на шепот, а шепот переходит в выяснение отношений между ними. Ну просто молодые щеглы у амбара с зерном.

Он возник внезапно, будто материализовался из воздуха. Омар—Амар продрал глаза и явил себя с солидным брюшком, свисающим поверх красных семейных трусов. Ну все «чин чинарем», мужчина, как говорится, статусный. Разговор между моими «охранниками» и этим тузом видимо не принес им положительных эмоций. Омара—Амара что—то огорчало, хотя мы еще не торговались. ну оно и понятно, он тут воротила международной валюты, владелец местного бизнес—эдема, местный авторитет с видом председателя колхозной партячейки.

Наконец, многостатусный Омар—Амар предлагает мне вариант обмена: 400 рупий за 1 мой косарь деревянных, это при курсе 1500 рупий за то же самое на валютном рынке. курс рупии взлетел. Я делаю от ворот поворот и машу окосевшему сопровождению – типа, разворачивай коней!

Не солоно хлебавши едем обратно. Индусы сникли – и стали похожи не на охранников, а на пленников, а я, стало быть, на их охранника.

...Светящаяся, усыпляюще—свистящая, тусклая ночь

в аэропорту! Тоскень немислимая, с желтизной в индусских глазах. Смиренно жду рассвета – от безделия клацаю охранника с усами Буденного, потом другого, тож с усами Буденного. Как никак – это главная достопримечательность аэропорта. Оказалось, переусердствовал. Буденные подняли кипеж, один сбегал за другим, и Главного нарушителя спектакля «Тиха индийская ночь» «под белы рученьки» повели к главному Буденному, который бдел в том же аэропорту.

Дальше сцена из картины «Опять двойка». Под бдительным оком их начальника, стыдясь, вздыхая и опять стыдясь, я удалял запретные кадры с усачами. Мне оставили только одно фото, которое я сделал не знаю почему. Может потому, что манекен без усов.

По завершении экзекуции начальник прибил свой обиженный взгляд к столу, и выдал тираду с общим смыслом «Понаехали тут». Я встал, меня посадили обратно. Начальник вперил карие очи в стол, да так и не отвел их никуда, лишь пустил по лбу струю пота. Прошло минут двадцать полной тишины. Но вот настал час икс – главный Буденный двинул речь (видимо все это время он ее готовил) – я проникновенно выслушал, и он отмахнулся от меня как от назойливой мухи – типа ведите его обратно! На самом же деле индусы гостеприимны.

Слоняясь по аэропорту дальше, нахожу доброжелателя – это индус с прискорбно—сочувствующим лицом, – он «все

кивает, — он соображает, он все понимает». В точности, как у Высоцкого, только индус трезв как стеклышко: «А что молчит — так эт он от волнения, от осознания, так сказать, и просветления».

Он быстро входит в мою проблему, и дает пионерскую клятву выгодного обмена, причем немедленно — трепещите, русские деньжата.

Едем. Знакомая дорога, знакомый поворот, ну что ж, «квартал менял», я все понимаю... Ан нет! Пред очи предстает тот же Омар—Амар. Меня не узнает из принципа. Но час пробил, и видимо, находясь в неге предутренного сна (иного объяснения не нахожу), он снизил курс рупии к рублю. Красный Махатма Ганди с его 20—рупиевых ассигнаций явно повеселел, делать нечего — все дороги ночного Мумбаи вели к Омару—Амару. Тут Махатма подмигнул: мол, бери, иначе, в третий раз привезут сюда же! Набив рюкзачек пачками двадцаток я пустился в обратный трансфер по бодрому Мумбаи. Жизнь налаживалась — состоялась еще одна сделка в укрепление российско—индийских отношений. Красный Махатма Ганди и Омар—Амар в красных трусах придали мне уверенности, что патовых положений не бывает. Впереди замаячил полет «Мумбаи—Гоа».

Да, вот еще! От «Кальмара» я ехал по другому Мумбаи, с халупами, очищенными от остатков ночи, но не очищенными от вечной нищеты и мусора. Мумбаи с дедами в бе-

лом и с белыми, будто наклеенными бородами, Мумбаи черных ретро—такси с желтыми крышами, Мумбаи, с тачками, загруженными сельхозпродукцией, Мумбаи белых травоядных животных (что—то между козой и овцой). Мумбаи с белыми бусами на шее.

Остались прежними только клаксоны, и взмахи руками индусов—водил: «Слышь ты! Иду на обгон».

На Гоа орудовало солнце

- Привет! Взяла билет?
- Взяла!
- Пиши: когда, – я встречу.
- Я взяла, но не билет.
- Не понял.
- Потом объясню, ладно?
- Угу.

Через два часа я оторвался от земли навстречу океану. Взмок сразу – полет походил на выбор места куда упасть. Приземление в Goa International стало удачей. Я понял – самолеты тут водят также как я мопед. Если в Бомбее лил дождь, то на Гоа орудовало солнце.

Я улыбался ему как младенец, пока не попал в скромный по виду, не хватающий звезд с неба отель «N», где мне индус со взглядом чистым, как адриатическая волна, не предложил плату в «тыщу» рупий в день. Если сказать, что я удивился – это ничего не сказать. С той же улыбкой я приступил к сделке. Для восточного жителя торг – это как расчесать волосы, хлебнуть чаю или вынести мусор. Наш российско—индийский торг начался с занятий физкультуры – по—другому нашу жестикуляцию не назовешь, и скажу наперед, закончился курсом актерского мастерства. Участники торга синхрон-

но помахали руками, совершили круговые движения головой, свели и развели брови в кучку, и, закончили бодательным движением, которое успешно проделывают на пастбище представители крупнорогатого скота, в минуты, когда им на рога набрасывают невесть что.

Наупражнявшись – мы приняли смиренный вид. Будда, пожалуй, нашей смиренности бы обзавидовался.

В вышеописанном процессе цена совершала чудеса акробатики, и постоянно в сторону снижения, наконец она уперлась в отметку 550 рупий за ближайшую ночь (хотя это было тоже сверх разумного). На этой цифре я, измочаленный торгом, с чистой совестью собрался покинуть гостеприимный ковчег индусов, как перед моими «ясными очами» на ресепшене произошла рокировка фигур и всплыл другой индус с цифрой 400 рупий в день. В результате я выложил 390 за первые сутки и остался жить в чудесном «N».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.